Мальчики есть мальчики. Как помочь сыну стать настоящим мужчиной

Автор:
Майкл Райхерт

Мальчики есть мальчики. Как помочь сыну стать настоящим мужчиной

Майкл Райхерт

Baby Boom! Лучшие книги для родителей

Что скрывается под маской дерзкого подростка, почему мальчики ведут себя вызывающе? Как миф о «настоящем мужчине» приводит к проблемам и каков «настоящий мужчина» на самом деле? Пора избавиться от вековых стереотипов! За последние два десятилетия нейробиология и психология заметно расширили наши знания о том, как мальчики думают и чувствуют. Книга Майкла Райхерта – это путеводитель по воспитанию целеустремленных и великодушных мужчин в новом сложном мире.

Майкл Райхерт

Мальчики есть мальчики. Как помочь сыну стать настоящим мужчиной

Michael C. Reichert

HOW TO RAISE A BOY

Copyright © 2019 by Michael C. Reichert, PhDPenguin

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with TarcherPerigee, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Мальчики есть мальчики. Как помочь сыну стать настоящим мужчиной / Майкл Райхерт; [пер. с англ. А.Д. Сайфуллиной]. – Москва: Эксмо, 2019. 978-5-04-101606-7

© Сайфуллина А.Д., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

«Превосходно написанная, несомненно важная книга Майкла Райхерта рассказывает о том, как мы губим мальчишек, обусловливая гендерной принадлежностью способность человека мыслить и чувствовать. Последняя при этом якобы свойственна лишь «девочкам» и «геям», а потому располагается на низшей ступени ценностной пирамиды. Кроме того, автор подчеркивает: мальчики и девочки (другими словами, все люди) имеют сходные социальные и эмоциональные нужды, а также способности. Этот простой, доказанный опытом факт необходимо принять, иначе не выйдет применить предложенные автором методы и воспитать в мальчике его естественную способность устанавливать эмоциональную связь с собой и окружающими. Эта книга обязательна для всех, кого волнует судьба мальчиков и мужчин».

Ниобе Уэй, профессор прикладной психологии Нью-Йоркского университета, автор книги «Deep Secrets: Boys’ Friendships and the Crisis of Connection»

«Майкл Райхерт соткал прекрасный гобелен из историй, опыта, наблюдений и мыслей – результат долгой, выдающейся работы в роли наставника мальчиков и юношей. Эта книга обязательна к изучению – не только родителями, у которых есть сыновья, но и работниками сферы образования, должностными лицами и консультантами, которым доверили такое ответственное дело, как обучение и воспитание мальчиков».

Дэвид Армстронг, исполнительный директор Международной коалиции школ для мальчиков

«После стольких лет работы с мальчиками и юношами Майкл Райхерт лучше других знает об ужасающих последствиях, к которым приводит привычное нам воспитание будущих мужчин. Руководствуясь искренним сочувствием как в рабочей деятельности, так и в написании книги, Майкл указывает, в каком направлении необходимо начать двигаться сегодня. Книгу обязаны прочесть родители, педагоги и на самом деле все мы».

Майкл Кауфман, автор книги «The Time Has Come: Why Men Must Join the Gender Equality Revolution»

«Продолжается яростная битва за души наших сыновей. Родители, политики и учителя, как и положено, встревоженны. Знатоки спорят: разучились мы воспитывать «мужчин» или ошибка как раз в определении мужественности? Мысли Майкла Райхерта, словно лучи, освещают тьму неясности: мальчики должны идти навстречу отношениям, а не избегать их. Мальчиков нужно оберегать, а не отмахиваться от них. Родители, учителя и все мы обязаны проявить отвагу, чтобы мальчик просто вырос тем, кем желает, – уверенным в себе человеком. Нужно любить и неизменно поддерживать его. „Мальчики есть мальчики“ – книга, которая вносит столь необходимый нам вклад в обсуждение вопросов воспитания».

Гэри Баркер, учредитель и генеральный директор организации «Promundo»

«В своей новой важной книге Майкл Райхерт обращается к многолетнему опыту в воспитании мальчиков, а также к обширным научным знаниям о гендерных особенностях и развитии подростков, что позволяет ему поделиться полезными мыслями с родителями и преподавателями, стремящимися воспитать здоровых мальчиков и юношей. Написанная разумным, понятным и привлекательным языком, книга переполнена мудростью и полезными советами. Сейчас, когда мы видим так много примеров неверного воспитания мальчиков, у нас наконец-то появилась книга, содержащая необходимые наблюдения и указания!»

Педро Ногуэра, доктор философии, почетный профессор в сфере образования и руководитель Центра исследований в области преобразования школ

«Эту книгу должны прочесть те, в чьей жизни есть или ожидается мальчик. Доктор Райхерт перемежает теоретические знания и результаты исследований с реальными примерами из собственной обширной клинической практики, благодаря чему книга будто оживает. Автор разрушает множество мифов о мальчиках, открывая парням путь к здоровым отношениям с родителями и сверстниками. Он заботливо обучает родителей стратегиям, способным благотворно повлиять на сыновей и помочь им преуспеть во все более переменчивом и сложном мире».

Деннис Барбур, дипломированный адвокат, президент и генеральный директор «Partnership for Male Youth»

«Майкл Райхерт три десятка лет разбирался в том, как мальчики мыслят, чувствуют и действуют. В книге „Мальчики есть мальчики“ автор систематизирует свои знания в десять глав, освещающих проблемы современных мальчиков и то, как взрослые, присутствующие в их жизни, способны помочь справиться с рисками и вырасти достойными мужчинами. Автор советует: намеренно вторгайтесь в личное пространство своего сына, чтобы стать частью его жизни! Мальчики в той же мере, что и девочки, способны открывать сердца – но лишь тем, кому доверяют. Книга настоятельно рекомендуется всем родителям и преподавателям».

Доктор Джон Нагл, подполковник армии США (в отставке) и девятый директор мужской школы Хейверфорд

«Книга „Мальчики есть мальчики”» – не что иное, как спасательный круг для наших юношей и страны.

Коснувшись тем любви, насилия, здоровья, самоуважения, надежды, социального развития, травли и поддержки со стороны сверстников, доктор Райхерт создал трактат для тех, кто желает узнать больше о современных

юношах и задать их жизням верное направление.

Его анализ позволяет нам лучше понять то давление, которое необходимо преодолеть с помощью крепких отношений, подготовив молодежь к жизни в постоянно меняющемся обществе; если сделать все правильно, их жизнь наверняка станет безопаснее, насыщеннее и успешнее.

Доктор Райхерт предлагает конкретные стратегии для взрослых, играющих ключевую роль в развитии мальчиков. Он напрямую обращается к мужчинам и женщинам с полезными рекомендациями; его план действий уводит нас прочь от устаревшего, ложного подхода и вредных, ограничивающих стереотипов. Вместо них автор предлагает свежие мысли и вдохновляющие приемы, которые позволяют увидеть мужественность в ином, здоровом свете.

Книга „Мальчики есть мальчики“ жизненно необходима педагогам и родителям, имеющим дело с непростыми юношами: замкнутыми, потерянными, эгоистичными, немотивированными, страдающими от зависимостей или гипермаскулинности, а также не способными определить, кто они и в каком направлении им следует двигаться».

Дэвид Бэнкс, президент и генеральный директор «Eagle Academy Foundation, Inc.»

«Майкл сочетает в книге мудрость любящего родителя и заботливого врача, чтобы мы сумели услышать, понять и восславить наших сыновей и знакомых мальчишек, а также помогли им проявить себя с наилучшей, наиболее искренней стороны».

Дэвид Белл, доктор медицинских наук, заведующий Нью-Йоркской пресвитерианской клиникой для юношей – университетским госпиталем под началом Колумбийского и Корнеллского университетов

«Райхерт сочинил глубокомысленную, обязательную к прочтению книгу о том, как вырастить из мальчика преуспевающую личность. Автор опирается на результаты новейших исследований (своих и чужих), собственную практику

врача и консультанта по вопросам образования, а также на родительский опыт, чтобы показать, насколько важно ценить мальчика как личность и изо всех сил развивать взаимоотношения с ним».

Энн Ренингер, профессор социальной теории и социальной деятельности Дорвина Картрайта в Суортмор-колледже

«„Мальчики есть мальчики“ – книга, настраивающая на положительный лад и дарящая надежду на сложном и нередко рискованном пути воспитания прекрасных мужчин из современных мальчиков. Через захватывающие истории о мальчиках и их опекунах автор делится с читателем ценными и полезными наблюдениями, позволяющими понять чрезвычайную важность уз и взаимоотношений, а также забыть о пагубных гендерных стереотипах, которые составляют так называемый „мальчишеский кодекс“ и представляют опасность для всех нас».

Аманда Кедди, профессор педагогики из Университета Дикина (Австралия)

«В течение десяти лет после того, как вышла моя книга о проблемах мальчиков, я разговаривала с бесчисленным количеством родителей и педагогов об их тревогах. И через десять лет жизнь мальчишек не стала легче ни в коей мере – на самом деле теперь семьям как никогда важно воспитывать жизнестойких мужчин с твердым духом и высоким уровнем эмоционального интеллекта. В своей прогрессивной книге Майкл Райхерт неповторимым образом смешивает результаты исследований, клинические наблюдения, личный опыт и призывает читателя воспользоваться новым подходом к воспитанию сыновей. Если у вас есть сын, или внук, или племянник, или брат, смело приобретайте эту книгу».

Пег Тайр, автор бестселлера (по версии «The New York Times») «The Trouble with Boys»

«Никто из авторов еще не писал так доходчиво о том, насколько сильно мальчикам для здорового развития необходимы теплые отношения. Исследовательская выучка и сердце истинного врача помогли Майклу Райхерту

досконально изучить душу и жизнь мальчишки; за неуспеваемостью в школе и игровой зависимостью он сумел разглядеть тоску по родству и дружбе. Если вы родитель или преподаватель, имеющий дело с мальчиком, и если вы любите этого мальчика, то прочтите книгу „Мальчики есть мальчики“».

Майкл Томпсон, доктор философии

«„Мальчики есть мальчики“ – это вдумчивое, честное и крайне обнадеживающее руководство по воспитанию сыновей для современных родителей. Без стеснения рассуждая о пугающих проблемах, с которыми сталкиваются мальчики, Майкл Райхерт делится с читателем тем, что уже помогло множеству людей: потрясающими наблюдениями и советами, благодаря которым множество мальчишек могут стать уверенными в себе мужчинами, стойкими и целеустремленными».

Розалинд Уайзмен, автор книг «Queen Bees and Wannabees» и «Masterminds and Wingmen», а также основатель организации «Cultures of Dignity»

Посвящение

В конечном итоге я благодарен своей семье: супруге Шерон, чья верность, великодушие и яростная приверженность принципам справедливости воодушевляли меня; сыновьям, Майку и Киру, которые помогали мне оставаться собой; и внукам, которые ежедневно демонстрировали, как беспредельно мальчишки любят жизнь

Глава 1

Вредный миф о настоящем мужчине

Вскоре после рождения сына я начал работать в известном учебном заведении для мальчиков – в школе Хейверфорд, в пяти километрах от Филадельфии. Эта школа уже долгие годы занималась воспитанием и обучением мальчиков, однако лишь почти через столетие со дня основания усомнилась в своей ключевой миссии. Исследования рынка показывали: многие семьи с недоверием относятся к школам, в которых мальчиков обучают отдельно от девочек; чем сильнее становились опасения по поводу нарушения духа равенства, тем чаще выбор падал на совместную форму обучения.

Тогда я еще даже не думал получить официальную должность в школе, однако меня попросили рассказать родителям о том, насколько мальчики склонны к химическим зависимостям и иному рискованному поведению, ведь на этом была сосредоточена моя клиническая практика. После лекции меня ожидала беседа с администрацией школы: речь шла о крайне способном ученике, страдающем от наркотической зависимости. Все закончилось вмешательством извне, госпитализацией и объятиями с директором школы на глазах у всех во время выпускного – в качестве благодарности за спасенную жизнь студента.

К тому времени я уже помог многим мальчикам и их родственникам справиться с похожими ситуациями, основываясь на собственном ужасном опыте, пережитом несколько лет назад. Поздней весной, когда мне было 23 года, мой младший брат погиб в автокатастрофе. И хотя он мучился проблемами все юношество – пил, употреблял наркотики и стремился огородиться от школы и семьи, – незадолго до трагедии в его жизни наконец-то настала светлая полоса. Когда брату исполнилось восемнадцать, он начал принимать все более здравые решения. Но тем вечером он зависал где-то с другом. Они пили алкоголь, возможно, употребляли наркотики, и брат, забыв о страхе, оказался на пассажирском сиденье в машине друга. Друг не справился с управлением, спускаясь по склону холма, и автомобиль врезался в большое старое дерево во дворе соседей. Я никогда не забуду, как в два часа ночи нам позвонили в дверь, как полицейский спросил, здесь ли живет мой брат, и как после его рассказа перед моими глазами встала невыносимая картина: мой брат и его друг в объятом пламенем автомобиле, обернувшем несокрушимый древесный ствол.

В том же году, но ранее я получил первую должность после выпуска из колледжа и стал консультантом в суде по семейным делам; меня направили в отдел, работавший с несовершеннолетними перед вынесением приговора. Дверь здания суда вращалась не переставая под напором потока мальчишек, уличенных в различных правонарушениях: кражах, драках, нежелании посещать

школу, побегах из дома, ограблениях, угонах автомобилей и даже убийствах. На мою долю выпало следить за ходом их мыслей, оценивать слабые и сильные стороны и давать оценку возможных последствий их поведения. Мне приходилось читать в большинстве своем душераздирающие отчеты школ и полиции, видеться с юношами и их опекунами и просчитывать, как именно они могли бы избежать проблем в будущем.

В первые дни после автокатастрофы, когда жизнь моего брата висела на волоске, а семья непрестанно дежурила возле его постели в реанимации, я разбирался в произошедшем. Существовала ниточка – о которой печальным образом умалчивали, – соединявшая историю моего брата с историями моих посетителей: в каждой из них шла речь о мужественности. Во всех случаях за принятым подростком решением (порожденном склонностью или к самозащите, или к саморазрушению) скрывалось поразительно развитое самосознание, некоторая доля равнодушия, а также ощущение потерянности, отчужденности и одиночества. В середине 1970-х годов все еще слабо понимали, что в жизни юноши существует этап, который канадский активист и ученый Майкл Кауфман затем опишет примечательным: «Необычная смесь ощущения власти и беспомощности, своего преимущества – и мучительной боли»

. Основополагающая, естественная склонность мальчика к общению тогда осуждалась еще больше – то есть не было даже места мыслям о том, будто человек развивается, взаимодействуя с окружающими.

Но поддерживаемое успехом женского движения, мужское также дало побеги. Всего лишь робкие ростки, однако основанные на мысли о том, что мальчикам и мужчинам причиняется значительный ущерб. Воспитатели – родители, учителя, сообщества – прививают традиционные представления о мужественности мальчикам, и это, согласно психологу Уильяму Поллаку из Гарвардской медицинской школы, приводит к «травмирующему уничтожению той среды, которая могла бы стать опорой для мальчика»

. Слишком много мальчиков уже в ранние годы теряют близкую связь с родственниками и избавляются от отголосков эмоций в своей душе. Однажды оторванные от спасительного якоря отношений с семьей, мальчики становятся восприимчивыми к соблазнам современности и перестают осознавать себя как личность.

Именно это я видел, работая в семейном суде, именно это увидел в своем брате и, позднее, замечал в юношах, которым помогал пройти процесс реабилитации. На каждого из них повлияла дарвинистская модель маскулинности, пагубно отразившихся на их развитии, ценностных ориентирах и здоровье.

Я понял, что необходимо действовать. После того разговора с родителями, храня в глубине души память о погибшем брате, я принял предложение занять должность психолога-консультанта в школе для мальчиков; я был уверен, это позволит мне сосредоточиться на новой роли – роли отца, который занимается воспитанием сына. Прошли восьмидесятые, девяностые годы, начался новый век, и параллельно с тем, как из моего сына вырастал мужчина, а из меня – все более сознательный родитель, школа также развивалась. В поисках подходящего плана действий она взялась за воспитание мальчиков с двойным усердием и в итоге создала программу под названием «В интересах мальчиков» (англ. «On Behalf of Boys»). Результатом ее запуска в 1995 году стало создание национального консультативного совета, разработка новых образовательных программ для родителей, а также финансирование масштабных исследовательских проектов.

Если честно, я был обеспокоен будущим моего сына. Все чаще я слышал, насколько мальчикам приходится нелегко: они не успевают в школе и не поспевают за течением жизни; они то в состоянии «войны», то в состоянии «кризиса»

. Мое желание работать лишь усилилось с рождением второго сына. К тому времени стало ясно: мы с их матерью ни за что не сможем всегда ходить за ними по пятам, уберегая от соблазнов, сгубивших многих мальчиков. В итоге я заключил: мы можем лишь бороться за достоинство, целомудрие и будущее других мальчишек таким образом, чтобы это видели наши сыновья.

Ежедневные несчастные случаи – горькая правда мальчишеской жизни. Мальчики из самых разных семей не могут успешно пройти этап взросления, особенно если попытки вырастить из них «настоящего мужчину» сопряжены с проявлениями расизма и нищетой. В журнальной статье 2009 года под заголовком «The State of American Boyhood»[1 - «Государство американского отрочества». – Прим. ред.] психолог Джудит Клайнфелд из Университета Аляски выразила особенное волнение по поводу «отчужденной» молодежи, группы, в которую мальчики попадают в два раза чаще девочек, а представители цветного

населения – намного чаще представителей белого. Эти отчужденные подростки из-за половой принадлежности оказываются на периферии образования, трудоустройства и гражданской жизни – путей определенных и измеримых. Более того, даже повзрослев и став мужчинами, многие из них продолжают жить отчужденно. И в мире, где главную роль играют интеллектуальные способности, глобализация экономики и равенство полов, необходимо подходить к воспитанию мальчиков с умом. Сложившаяся модель воспитания, которая не менялась поколениями, уже давным-давно устарела, как бы прискорбно это ни звучало. Том Мортенсон, специалист в области демографии из Национального центра государственной политики и высшего образования, утверждал: «Мужчина не способен легко и просто вписаться в современную жизнь. Все больше мужчин вообще в нее не вписываются, и это ломает их»

.

Как мы можем усовершенствовать систему воспитания мальчиков? Как мы можем защитить доверенных нам отроков от всех угроз юношества? Что позволит нам лучше всего подготовить сыновей к вступлению во взрослую жизнь? Со дня гибели брата моя психологическая практика успела пополниться тысячами примеров: я беседовал с мальчиками и юношами, работал с ними, изучал их проблемы. Юнцы со всего света делились со мной историями своих надежд и обид, успехов и потерь. По рассказам становилось ясно, что именно мальчики чувствуют по поводу выпавшей на их долю участи: как ограниченные возможности нередко противоречат их человеческой натуре; как они ощущают себя брошенными и одинокими или обнаруживают, что их не понимают или неверно оценивают.

Их убедительные истории в итоге привели к моему согласию с британским социологом Кэролайн Нью, предположившей, будто жизнь мальчиков и вправду основана на «систематическом притеснении» и не сами мальчики, а те, кто ответственен за создание и внедрение правил их воспитания, должны исправить все недочеты системы

. В конце концов и сами мальчики станут активно помогать нам: начав вести себя искренне и перестав скрывать громкое биение своего сердца за маской, которую они вынуждены носить. Однако, чтобы исправить ошибки воспитания, мы должны первым делом признать: эти ошибки существуют, и вместе разобраться в их причинах.

Это сложнее, чем кажется. Я ожидал, что программа «От лица мальчиков» будет принята хорошо и благодаря ей взрослые начнут чаще задумываться о нуждах мальчиков. Однако все усложнилось с самого начала. Представители школьного коллектива, привыкшие к традиционным методам воспитания, с презрением относились к любому упоминанию пола мальчиков; в то же время те из них, кто поддерживал феминизм, боялись, что это какой-то заговор и в конце концов всех мальчиков поведут в лес, дабы возвестить миру об их мужественности. Журналист из местной газеты, учуяв противоречие, высмеял наши начинания и озвучил внутренние опасения: «Мальчикам необязательно быть храбрыми. Им необязательно оставлять после себя потомство. Мальчикам следует больше походить на… ну, полагаю, на девочек».

Истина в том, что в жизни мальчика слишком рано появляются предрассудки и стереотипы, формируя и искажая представления даже самых заботливых взрослых. Проведя тщательное исследование четырех-пятилетних мальчиков, психолог из Стэнфордского университета Джуди Чу изучила, как родители и учителя определяют, «какими должны быть мальчики». Она заметила: некоторым мальчикам закаляли характер; им запрещали поступать определенным образом и требовали «излишнего соответствия» культурным нормам и давлению, которое оказывалось в рамках взаимоотношений. После двух лет пристальных наблюдений открытые и искренние мальчики стали сдержанными и напряженными. Джуди Чу пишет: «То, что нередко считают и называют естественным для мальчиков, на самом деле не заложено в них природой, а является результатом адаптации к культуре, требующей от мальчиков мужественности, решительности, конкурентоспособности – если они желают, чтобы их распознавали и принимали как „настоящих мальчиков“»

.

Судя по моему опыту, стереотипы о мужчинах встречаются повсеместно, мы следуем им невольно и они влияют на восприятие самого понятия «мальчик». Одна моя подруга, преподающая биологию в старшей школе, несколько лет назад вынашивала близнецов и говорила: «Я знаю, который из них мальчик». Я полюбопытствовал, как именно она это определила. На что получил объяснение: «Мальчик пинается». Ниобе Уэй, профессор Нью-Йоркского университета, в результате наблюдений за развитием юношей заключила: распространенные суждения о них почти никак не подкрепляются фактами и еще меньше – их истинными нуждами. Вопреки сложившемуся мнению, будто мальчики

предпочитают независимость и не заинтересованы в тесных связях, дети, участвовавшие в исследованиях, признавались, что погибнут или сойдут с ума без своих друзей. Профессор обращает внимание на следующую закономерность: в основе нездоровых семейных отношений и образовательных практик, а также знакомых всем вызванных усталостью проблем (таких, как низкая успеваемость, стремление к уединению, зависимости и плохое поведение) лежат устоявшиеся культурные представления о мальчиках

.

Когда я только-только впервые стал отцом, в глаза начали бросаться, порой сбивая с толку, культурные предрассудки, о которых я почти не имел представления. Мы с семьей жили в одном из типичных для Филадельфии районов, где дома тянутся рядами. Отправившись в конец улицы, можно было наткнуться на небольшую спортивную площадку – там группы мальчишек ежедневно играли в лакросс или баскетбол. Мой сын обожал спорт и любил игры, однако он не был готов к тому, что произошло, когда его товарищи достигли подросткового возраста. Несмотря на годы совместных игр, веселья и беготни по округе, некоторые мальчишки выросли злыми и будто забыли о прежней дружбе. В конце концов они подбили всю группу ополчиться против моего сына, отказаться от общения с ним и изгнать его с территории площадки. Раз за разом он плелся домой, поджав хвост.

Поначалу я не позволял ему сидеть дома одному и смотреть телевизор или играть в видеоигры; вместо этого я сам играл с ним, пытаясь укрепить его уверенность в себе, дабы впоследствии он снова попробовал выбраться на площадку. Но одним воскресным утром, уже отдохнув после тяжелой рабочей недели и заметив, как мой сын вновь возвращается с игровой площадки расстроенный, я встал у входа в дом и сказал, что не пущу его. «Разберись с этим сам, – потребовал я. – Я буду стоять здесь хоть до скончания века, однако сдаться тебе не позволю». Он попытался пробиться в дом силой; его стыд и разочарование вскоре обратились в ярость и злобу. Он заорал, что не желает идти обратно на площадку, после чего окончательно размяк и принялся кричать и плакать, пытаясь пробраться внутрь. Я твердил: «Ты справишься. Не сдавайся». Из дома вышел сосед: ему, должно быть, показалось, я издеваюсь над ребенком.

Но желал ли я помочь сыну? Или всего лишь подчинялся стереотипу о том, что мальчики не должны смущаться драки? Разве мой урок не заключался в том, что мужчина всегда должен справляться с трудностями – и неважно, сильно ли он напуган или разбит? Пытаясь побороть ситуацию, как мне казалось угрожающую будущему моего сына в компании мальчишек, я, кроме того, боролся еще и с чем-то в глубине своей души. Насколько большой вклад в происходящее внес мой собственный страх: моего сына изгонят с площадки окончательно, оградив его от «мальчишеских» забав и вынудив его жить в более мирной обстановке?

Мне повезло. Я сумел определиться и найти ответы на эти вопросы. Вскоре после колледжа я начал практиковать консультации со сверстниками, и именно это стало знаковым поворотом судьбы, благодаря которому изменилась моя жизнь, а впоследствии – и определилась будущая карьера. Я научился слушать и в свою очередь высказываться – терпеливо, открыто, ничего не упуская. Я работал с обычными людьми, помогая им справляться с напряжением и предрассудками, мешающими нам полноценно жить. Именно так: клиенты избавлялись от устаревших представлений о взаимоотношениях и учились выстраивать связи по-своему. Мне то и дело приходилось выговариваться, распутывать хитросплетения чувств и проблем, избавляться от давно накопившегося напряжения, и в итоге я почти до совершенства отточил умение быть честным с тобой. Кроме того, постоянно слушая других, я в общем и целом стал более чутким. Шли годы, и, постоянно разбираясь в своих реакциях, ощущениях и мыслях, я сумел справиться с такими непростыми событиями, как смерть брата, а также со стороны взглянуть на наклонности, привитые мне уже в юные годы и ограничившие мое мировоззрение. Я даже начал понимать, в каких случаях учу сыновей важному скорее для меня, а не для них.

Анализируя случай, описанный выше, я осознал, что пытался схитрить и одновременно сделать две вещи: пожалеть сына, поскольку друзья отнеслись к нему нехорошо, и убедить его добиваться своего, невзирая на препятствия. Я желал преподать сыну важный урок, которого так недоставало мне самому в ранние годы: человек сам способен определять будущее, и неважно, насколько безнадежным или потерянным все кажется сейчас. Позже, когда мы уже успокоились и сидели рядом, я попытался передать сыну свою мысль – так, чтобы он выслушал меня, не испытывая при этом прежней досады, страха и грусти; тем не менее я наверняка пропустил в свои слова некую долю волнения. Мой сын и без того был крайне расстроен; если бы я дал волю эмоциям, это расстроило бы его еще сильнее.

Родители мальчиков нередко ощущают себя так, словно вот-вот сорвутся. Когда сыновья начинают вести себя определенным образом – не проявляют интереса к учебе, эгоистично ведут себя дома, не могут наладить общение со сверстниками, недружелюбно относятся к сестре или брату, не принимают активного участия в спортивных состязаниях, становятся встревоженными, или раздраженными, или стеснительными, – родители не выдерживают. Они вмешиваются в жизнь ребенка, снедаемые тревогой или раздражением. Они пытаются давать советы, и расстраиваются, и тревожатся лишь сильнее, если сыновья не понимают их.

К счастью, мы с сыном сумели преодолеть произошедшее у двери нашего дома, хотя впереди нас ожидали и иные испытания. Мой сын вырос чудесным, терпеливым преподавателем для мальчиков и любящим отцом для своего собственного сына. Я не уверен, понял ли он тогда то, что я желал ему объяснить. Но, как и любой мальчик, он прошел через множество, множество проверок на прочность, и ему определенно пришлось воспитать в себе отвагу. Наши отношения многое преодолели, и, уверен, он понимает: даже будучи неуклюжим в своих попытках, я все равно всегда готов помочь ему разобраться со сложными жизненными проблемами.

Наши мальчики

Я поставил вопрос перед группой родителей мальчиков-подростков: «Бывало ли так, чтобы кто-то – учитель, тренер или наставник – действительно помог вашему сыну?» У каждой матери и отца нашлись воодушевляющие примеры. Чем больше историй они рассказывали, тем теплее становилась атмосфера. Еще до этого мы все попросили в молитве, чтобы наши сыновья жили счастливо и благополучно, они пустили корни глубоко в землю и тянулись ввысь к мечтам. И не было большего блага для родителей, чем помощь со стороны!

Поразительно, насколько эмоционально родители описывали то, как кто-то помог их сыну. Кто-то из отцов рассказал о случае, когда его сын сначала попался на баловстве, а затем солгал учителю. Отец не оправдывал поступка ребенка; наоборот, ему не нравилась привычка врать и он считал ее пагубной. Мальчику не повезло: на следующий год у него начал вести математику тот самый педагог, которого он обманул. Однако преподаватель не стал основывать свою работу на негативном впечатлении, которое тот произвел в прошлом году; он вел себя с мальчиком так, будто последний всего лишь ошибся и теперь

может начать все с нуля. Учитель с удовольствием дополнительно занимался с учеником и справлялся, насколько он уверен в своих силах. В конце учебного года успеваемость ребенка достигла невиданной прежде отметки, он стал намного увереннее чувствовать себя на уроках математики, а помогавший ему педагог вошел в число его любимых учителей.

Одна мама рассказала о том, как однажды ее сын заболел и нуждался в длительной госпитализации. И, пока ребенок находился в больнице, его учитель не только постоянно связывался с ним по поводу домашнего задания, помогая поспевать за программой, но даже пришел в больницу и принес письма от одноклассников. Мама призналась в своих чувствах к преподавателю: «И тогда я поняла: мой сын нужен не только родителям; есть и другие люди, которым не безразлична его судьба. Педагог потратил свое свободное время, чтобы посетить ученика и узнать о его самочувствии. Хотя это не входило в его обязанности. Я всегда считала своего сына изумительным, однако меня поразило то, что кто-то еще считает его особенным. Я до конца жизни буду благодарна этому учителю».

Тем временем другая мама рассказала историю о тренере, который особенно постарался отточить спортивные навыки ее сына – и мальчик стал хорошим спортсменом, его заметили тренеры регионального уровня. Когда я спросил у матери, что она ощущала, наблюдая за отношениями между сыном и его тренером, та ответила: «Облегчение». «Облегчение?» – спросил я. Она объяснила: «Благодаря взаимоотношениям с тренером он поверил в себя. Больше всего я боялась, что он не сумеет распознать свой талант. Но теперь, как мне кажется, он сделал важное открытие – и будет вспоминать до конца жизни».

Возможно, эти чувства и свойственны любому родителю, рассказывающему о своем ребенке. Однако мне показалось, они особенно сильны потому, что мы говорим о мальчиках. Все промолчали о сомнениях, которые родители испытывают по поводу воспитания мальчиков, особенно сегодня. Слишком уж многое может сломать сыну жизнь. Дэвид Стейн, автор книги «Unraveling the ADD/ADHD Fiasco»[2 - «Разоблачение синдрома дефицита внимания». – Прим. ред.], утверждает: поведение мальчиков часто приводит к тяжелым последствиям. Например, он приводит статистику: на каждую девочку с каким-либо психическим расстройством приходится пять таких же мальчиков

. В статье 2012 года, посвященной гендерным предпочтениям приемных родителей, сообщается: девочек предпочитают принимать в семьи почти на 30 % чаще, чем мальчиков. Исследователи объясняют это тем, что с девочками «меньше рисков»

.

Такие наблюдения особенно тревожат сегодня, когда можно заранее узнать пол будущего ребенка. Актер Джастин Бальдони, в первую очередь известный по роли Рафаэля Солано в сериале «Девственница Джейн» (канал «The CW»), в разговорах и публикациях делится воспоминаниями о том времени, когда его жена вынашивала их сына. Недавно он написал следующее: «Живот моей жены все рос, а в моей душе тем временем росло неуместное чувство – ужас». Что же пугало Джастина? Бальдони не слишком дружил с собственным организмом и боялся, как бы сын не повторил его ошибок. «Я не хотел, чтобы он хоть сколько-нибудь был похож на меня. Я хочу, чтобы он был умнее, счастливее и успешнее меня»

.

Каждый хоть раз слышал историю о мальчишке, который ввязался в неприятности. Одна из таких историй – о мальчике-семикласснике.

Когда мне позвонила мать Дэвида, Лили, он уже совсем отбился от рук: даже будучи довольно способным, он не успевал в школе, поскольку ленился и часто баловался; он вызывающе вел себя с родителями и плохо, порой даже издевательски обращался с младшей сестренкой. Его мама попыталась обратиться в службу поддержки родителей, однако те порекомендовали относиться к сыну строго, но с любовью – и лишь все усугубили. Когда я лично встретился с Дэвидом, то выяснил следующее: мальчик был уверен: мама его не любит, она его разлюбила. В пылу очередной ужасной ссоры она теряла власть над собой и заявляла: «Я не хочу быть твоей матерью». Это повторялось какое-то время, а когда Дэвид стал юношей, то еще сильнее воспротивился попыткам воспитать его.

Я встретился с Лили тет-а-тет и спросил, любит ли она своего сына; та призналась: сначала ей было сложно разобраться в себе, поскольку она мечтала

родить дочь, – это и произошло несколько лет спустя. Когда она рассказала о первых родах и младенчестве Дэвида, я понял: Лили переживала послеродовую депрессию, а крики сына вызывали у нее желание заткнуть уши. Напуганная, ничего не понимающая, Лили часто раздражалась и не хотела реагировать на плач ребенка. Отношения, установившиеся с сыном с самого начала, всего лишь разрослись в непонимание и злобу, когда тот стал подростком.

Оставаясь наедине со мной, Дэвид вел себя очень даже дружелюбно, и со временем нас с ним связали крепкие узы. Он видел, мне нравится с ним общаться, и считал себя одаренным и славным мальчиком. Мы смеялись вместе, а я был осторожен и ни в коем случае не винил его в ссорах с родителями, плохих оценках или проблемах с поведением; вместо этого я во всех случаях говорил, что он молодец и старается изо всех сил. В конце концов я довел наши отношения до такого уровня, когда смог спокойно указать ему на пагубные черты его поведения – и юноша признался в желании их исправить. Я также серьезно побеседовал с родителями Дэвида и посоветовал отсрочить любые принуждения и наказания; кроме того, поработал с его матерью – в частности, чтобы пробудить в ней любовь к мальчику. Поскольку ее сын был сильным, спортивным юношей, любящим поозорничать, я предложил ей практиковать битвы на подушках и совместное безобидное баловство.

Не все шло гладко. Дэвид поначалу недоверчиво относился к любви, которую пыталась проявить его мать, а Лили с трудом сдерживалась, чтобы не бранить его за дерзкое поведение и за то, что он не ценит ее стараний. Но когда Дэвид подрос и начал интересоваться девочками, я поднял ставки. И объяснил ему: отношения с матерью – чувства к ней, опыт близкого общения и проявляемое доверие – станут основой для его взаимоотношений с женщинами. Я посоветовал ему выстроить здоровые, близкие отношения с матерью, чтобы они оба смогли забыть о болезненном прошлом. Кроме того, я запретил ему плохо обходиться с сестренкой. Шло время, и, с активной поддержкой матери, Дэвид избавился от дурных привычек, приобретенных в ранние годы своей жизни.

Когда Дэвид был уже девятиклассником, за несколько месяцев до Дня благодарения мы перестали с ним видеться; тем не менее в праздник я получил электронное письмо от его матери:

«Я всего лишь хотела пообщаться с вами по поводу Дэвида. То, что мне так долго не приходилось связываться с вами, – добрый знак. Как бы то ни было, Дэвид изо всех сил работает над собой. Надеюсь, прислав это письмо, я не

спровоцирую действие закона подлости. Я часто думаю о вас и о том, как сильно вы ему помогли. А теперь, наконец, я пожинаю плоды своих стараний. Дэвид намного сильнее привязался к своему отцу и ко мне. Он стал чуть лучше относиться к сестре. (Кажется, он не начнет искренне любить ее до тех пор, пока она не вырастет.) Кроме того, он начал вести себя ответственнее и научился признавать свои ошибки. А важнее всего то, что он позволяет мне быть его матерью. Словами не выразить, насколько я вам благодарна. Ваша помощь была бесценна!»

Семья Дэвида оказалась в беде, а сам мальчик чуть не сошел с пути окончательно, пустив жизнь под откос. Оценивая этот случай, я сделал вывод, что кризис в семье случился из-за ошибки в суждениях родителей: они были уверены, будто их сын ведет себя плохо по собственной воле и всего лишь проверяет, как долго его мать и отец продержатся в яростной борьбе за влияние. В конце концов родители убедили себя, будто лучшая реакция на плохое поведение сына – это принуждение и нравственное порицание.

Мое вмешательство подразумевало прямо противоположное направление мысли: я предположил, что мальчики по природе нуждаются в доверительных отношениях с родителями. Я расценивал Дэвида как ребенка, травмированного тем, что его отвергла мать, которая не могла разобраться в своих чувствах и потому сдерживала их. Я говорил с ними обоими о проблемах, с которыми Лили столкнулась сразу после родов, задавших пагубный тон ее отношениям с сыном. Дав Дэвиду осознать несправедливость обвинений со стороны его родителей, а Лили – проявить любовь к сыну и добиться его уважения, я позволил обоим убедиться в том, что понимаю их. После чего сумел надавить на Дэвида, дабы тот начал вести себя лучше: мне удалось вдохновить его стать таким мужчиной – старшим братом, сыном, учеником, спортсменом, – каким он всегда желал быть.

Если семья не способна справиться с воспитанием сына, очень важно выявить основные причины проблемы – это позволит понять, почему же подход к ребенку не сработал. Необходимо составить четкий список возможных недостатков воспитания. Если получится выявить, почему все пошло не так, удастся и разработать новый подход – в котором уже будет осознанно учитываться потребность мальчика в отношениях. Во многих семьях образуется огромная пропасть между направленными на сына ожиданиями и тем, что ребенок представляет собой на самом деле. Расплачиваться за это приходится мальчику – тем раньше, чем нетерпимее и равнодушнее его родители. Большинство

мальчишек с самого начала изо всех сил стараются оправдать надежды и ожидания родителей; некоторые заключают: все усилия тщетны, а потому ищут самореализации в другом месте. Однако послушание и яростное желание угодить приводят к негативным последствиям: мальчик находит смысл жизни в ублажении окружающих. Привычное многим родителям проявление любви не позволяет мальчикам ощутить себя в безопасности.

Родители будто уверены: жизнь предоставит им именно такого сына, о котором они всегда мечтали, а если это оказывается не так, то они силой загоняют ребенка в симпатичные им рамки. Сколько раз в той или иной форме мальчики слышали от родителей, что пора «вести себя по-мужски»? «Трудиться усерднее» в учебе или спорте. «Добиваться». «Подавлять» чувства и проявлять больше «воли» и решимости? Старомодные представления о мужественности – «все можно решить упорным трудом» – не учитывают научных наблюдений о том, как именно развивается сила воли и насколько трудолюбие переплетено с эмоциональным состоянием мальчика. Попытки загнать ребенка в заранее определенные рамки дают ему понять о себе лишь одно: он недостаточно хорош.

Стереотипы о мужчинах

Британский писатель Джордж Оруэлл, автор романа «1984», в молодости работал полицейским в колониальной Бирме. В 1936 году он написал эссе «Как я стрелял в слона» – вольную интерпретацию собственного опыта. Согласно сюжету, полицейский с трудом выполняет данное ему задание – убивает взбесившегося слона, бегающего по улицам. Полицейскому нужно было не только застрелить животное, но еще и казаться при этом хладнокровным, умелым, уверенным в своих действиях человеком. Цитата из этого произведения открывает фильм «Маска, в которой ты живешь», представленный в рамках кинофестиваля «Сандэнс» в 2015 году. Картина «показывает жизнь мальчиков и юношей, которые изо всех сил пытаются оставаться собой и при этом вписываться в четкие представления Америки о настоящих мужчинах». Как писал Оруэлл: «Постоянно скрытое маской лицо со временем неотвратимо срастается с нею»

. На самом деле метафора с маской отнюдь не полноценно отражает масштаб потерь, переживаемых мальчиками. Американская организация «Promundo-US», мировой лидер по образовательным и социальным программам для мужчин и

мальчиков, в 2017 году опубликовала результаты исследования стереотипных представлений о поведении «настоящего мужчины». В понятие «настоящий мужчина» входит то, каким должен быть нормальный представитель мужского пола: ему должны быть свойственны и самостоятельность, и грубость, и физическая привлекательность, и гомофобия, и гиперсексуальность, и напористость, и властность. Исследователи провели опрос среди жителей США, Великобритании и Мексики в возрасте от восемнадцати до тридцати лет и обнаружили, что результаты по таким показателям, как склонность к жестокости, издевательствам, сексуальному насилию, депрессии и суицидальным мыслям, в поразительной мере отличается у молодых людей, придерживающихся – и не придерживающихся – стереотипного поведения. Группа ученых заключила: «Негативные последствия стереотипного представления о „настоящих мужчинах“ тяжелы, реальны и негативны. Большинство представителей мужского пола, следующих правилам „настоящего мужчины“, намного чаще рискуют здоровьем и благополучием, отказываются от близких отношений с друзьями, не обращаются вовремя за помощью, страдают от депрессии и часто задумываются о самоубийстве»

.

Самые первые ученые, занимавшиеся гендерными проблемами (такие, как Сандра Бем, первооткрывательница в вопросах полярной разницы между полами и гендерными стереотипами[3 - Гендер – спектр характеристик маскулинности или феминности, включает в себя социальные роли, самоопределение индивидуума. Гендер не тождественен биологическому полу – различия между мужским и женским гендером сугубо социальные, а не биологические. Гендерные стереотипы – распространенные в обществе представления о поведении представителей гендера. – Прим. ред.]), утверждали: мальчики намного сильнее привязаны к гендерным нормам, нежели девочки. Одно дело, когда девочка растет «сорванцом», и совсем другое, когда мальчик – «неженкой». И дома, и на людях мальчиков, отошедших от стереотипного поведения, отчитывают строже. В своей книге «Смелость вырастить хороших мужчин» семейный психотерапевт Ольга Сильверстайн привела в пример научный эксперимент, в ходе которого мать приходила в больницу, держа на руках младенца в белой одежде, без явных признаков принадлежности к полу. Когда медсестра приглашала мать в кабинет, та вежливо просила кого-либо в очереди подержать «дочку» или «сына», обещая вскоре вернуться. Все записывалось на скрытую камеру. Когда младенец играл роль девочки, окружающие прижимали его к себе, говорили и играли с ним; если же ребенок

был «мальчиком», его чаще всего усаживали на ковер со связкой ключей в руках вместо игрушки

.

Матери играют важную роль в становлении мужества их сыновей. Во время написания книги «Миф о маменькином сынке: Чем ближе мы к своим сыновьям, тем они сильнее» журналист Кейт Стоун Ломбарди беседовала с матерями, воспитывающими сыновей, чтобы изучить, как культурное давление повлияло на их взаимоотношения. Она выяснила: матерей тяготят строгие предрассудки, вынуждающие их отдаляться от сыновей даже вопреки здравому смыслу. Ломбарди написала: «Уже не меньше сотни лет всеобщее представление о матерях и сыновьях выглядит следующим образом: случаи, когда мать поддерживает близкую эмоциональную связь с сыном, достигшим, скажем, нежного возраста пяти лет, уже считаются неприемлемыми. Она, эта мать, душит сына своей любовью и не позволяет ему вырасти сильным, независимым мужчиной»

.

Исследователи из организации «US-Promundo» опрашивали респондентов о различных источниках давления, формирующих привычные представления о мужественности. 60 % американских юношей согласились со следующим утверждением: «Родители учили меня, что „настоящий мужчина” выглядит сильным, даже если на самом деле он взволнован или напуган». В их юношеские годы и родители, и общество предъявляли на удивление схожие требования. Трое из четырех опрашиваемых соглашались с фразой: «Юноша должен быть сильным, даже если в душе он напуган или взволнован», а 68 % подписались под утверждением: «Юноша, который не может дать отпор обидчику, – слабак»

.

Воспитание мужественности в мальчике начинается в семье, а в школе лишь набирает обороты. Наблюдая за группой детей от четырех до шести лет в течение времени, когда они посещали подготовительный класс и детский сад, Джуди Чу видела, как прямолинейные, открытые, чуткие и внимательные

мальчики учились притворяться и держать чувства в себе. Как сказала Чу, они стали «циничными» и «сдержанными», менее «жизнерадостными» и более «недовольными». Она заключила, что развитие мальчиков идет по пути «от чуткости к притворству через установки»: мальчики со временем осознают значимость не их истинного лица, а того, насколько хорошо они справляются со своей ролью

.

Одним притворством потери мальчиков не ограничиваются. Стереотипные представления о мужественности – распространенные в культуре, пропагандируемые средствами массовой информации, играми и телевидением – приводят к тому, что мальчик идет на чрезвычайные меры. В исследовании Джуди Чу были мальчики, которые собирали «команду задир» и отправлялись «докучать людям» – а именно одноклассницам. Любой намек на сочувствие в сердцах мальчиков подавлялся групповым мышлением.

Обеспокоенность по поводу воспитания мальчиков нарастала уже в девяностые, однако проблемы юношества живы и по сей день. Согласно данным Центров по контролю и профилактике заболеваний США, родители мальчиков в возрасте от четырех до семнадцати лет обращаются за помощью в службы здравоохранения или к сотрудникам школ в два раза чаще родителей девочек. Мальчики, в отличие от девочек, не только легко идут на риск, не проявляют должной внимательности на уроках и притягивают проблемы, но и обладают менее развитыми социальными и поведенческими навыками, определяющими успеваемость в школе; мальчики чаще непоседливы, скучают на уроках, дерзят и не поддаются контролю. Постоянно мешая окружающим, а также не умея или не желая слушаться взрослых, мальчики вынуждают учителей применять воспитательные меры. Именно мальчиков в первую очередь подвергают дисциплинарным наказаниям, им первым прописывают медикаменты – хотя, согласно оценке Л. Алана Сруфа, исследователя из Миннесотского института развития ребенка, «на сегодняшний день не было обнаружено долговременного положительного влияния медикаментов, предназначенных для лечения синдрома дефицита внимания, на успеваемость, взаимоотношения с ровесниками или поведение»

.

Кроме того, мальчики чаще девочек совершают поступки, приводящие к болезни, травме или смерти – как их, так и кого-то другого: они чаще носят с собой оружие, чаще дерутся, реже пристегиваются за рулем, чаще водят автомобиль в нетрезвом состоянии, чаще занимаются незащищенным сексом, чаще употребляют алкоголь или наркотики перед сексом. Вызывает тревогу связь между традиционными нормами мужского поведения и асоциальными поступками. Еще одно исследование на стыке культур, проведенное антропологом Дэвидом Гилмором из Университета Стоуни-Брук, показало: различные женоненавистнические практики, которые можно назвать одним термином – «мужское расстройство», лучше всего объясняются попытками мужчин подавить в себе все то, что они считают женственным. Дэвид Гилмор писал: «Мужчины, которые ненавидят женщин, еще больше ненавидят самих себя»

.

Жизнь в рамках стереотипов или под покровом маски не просто ограничивает мальчиков, она также уничтожает их доброту и достоинство. Прячась за маской, притворяясь внешне, мальчики отделяются и отдаляются от окружающих, обретая ложные нравственные ориентиры и сбиваясь с пути навстречу отношениям. Притворство подавляет подлинные чувства, внешняя «крутость» оказывается сильнее искренности, а неуспеваемость заменяет трудолюбие. Все заявления родителей о честности, справедливости и искренности теряют значимость на фоне компании сверстников и вечеринок в стиле «Зверинца» Джона Лэндиса[4 - Кинокомедия 1987 года. Сюжет картины рассказывает о противостоянии двух студенческих братств в кампусе Университета Фарбер. Картина оказалась одной из наиболее коммерчески успешных картин 1970-х и стала основой для нового комедийного жанра. Низкопробный юмор, вульгарные шутки оказали влияние на целое поколение картин в американском кинематографе. – Прим. ред.]. Вынужденные соответствовать стереотипам, мальчики восприимчивы к тому, что спешит захватить их разумы и сердца. Например, отдалившихся от семьи мальчиков чаще привлекает порнография, искажающая восприятие сексуальности и любви. И список можно продолжать.

Хорошие новости

К счастью, проблемы мальчиков решаемы. Если мы достаточно отважны, мы сумеем открыться подлинному мальчишескому опыту и создать атмосферу,

которая позволит нашим сыновьям быть собой. Целый поток литературы о мальчиках, выпущенной в конце 1990-х годов, предложил нам ценные наблюдения. Вот только эти книги в основном придерживались одного из двух полярных мнений: первое – мальчики от природы любят шумные игры, злятся без причины, беспрестанно рискуют; второе – мальчики на самом деле наивные и невинные создания, ставшие жертвами общественного давления, молчаливыми мучениками. В обоих случаях мальчиков выставляют жертвами – с генетической или общественной точки зрения. Однако нигде не упоминается, что больше всего радости и вдохновения мальчикам дарует их собственное воображение.

Тем не менее я продолжаю надеяться, исторический прорыв в данном вопросе уже не за горами. Хотя мальчиков продолжают ограничивать мифами и предрассудками родом из прошлого, а более здоровым способам стать мужчиной никак не удается заменить старые представления, противоречия между финансовым положением граждан, динамикой развития института семьи и традиционными нормами обязаны породить новое представление о мужественности. И, поскольку новые общественные требования разоблачают совершенную ограниченность старых методов воспитания, популярность обретут свежие идеи.

Вот несколько коротких примеров, по которым можно судить о возможном будущем.

Когда знаменитая школа-интернат, 150 лет обучавшая лишь мальчиков, ввела совместное обучение, она столкнулась с невиданным прежде числом прогулов. Прошло всего несколько лет с тех пор, как в школу пришли девочки, – и вдруг ученики девятых-десятых классов начали бросать учебу. Меня попросили поговорить с юношами, их семьями и учителями, чтобы понять, почему мальчики несчастны на этот раз. Ответ был прост: на глазах у педагогов – это считалось нормальным, и никому в голову не приходило жаловаться, – практиковалась дедовщина – старшие студенты издевались над младшими, а у девочек ничего подобного не было. Мальчики, поступив в школу, проходили через жесткие ритуалы взросления, переживали немало насилия – и взамен тешили себя надеждой отыграться на следующем поколении учеников. Этой традицией гордились; родители, учителя, консультанты и школьная администрация негласно сходились во мнении, что она воспитывает в мальчиках характер. Вот только у девочек был совсем иной опыт – и мальчикам все труднее и труднее было мириться с этим. Школа пользовалась извращенной методикой воспитания и неверно растила мальчиков.

Я поделился наблюдениями и предположил: существует связь между дедовщиной и прогулами; в итоге руководство школы предприняло решительные меры. Оно пересмотрело методы воспитания учеников младших классов, введя концепции «защиты» и «наставничества», и методично избавилось от третирования новичков. Изменения дались нелегко, однако традиция постепенно исчезла, и мальчики перестали бросать занятия. Сегодня эта школа уверенно занимает позицию передового образовательного учреждения.

Второй пример – из тура вопросов и ответов, который начался после моего обращения к родителям с речью. Было ясно: они вышли из дома зимним вечером лишь из-за надежды помочь своим сыновьям. И матери, и отцы рассказывали личные истории о переживаниях, потерях и печалях. Одна из матерей подняла руку. Она воспитывала сына одна, с отцом ребенок не видится, и ей все тяжелее и тяжелее было справляться с мальчиком. Сын отдалился от нее, стал неприветливым и совершенно не воспринимал попытки матери хоть в чем-то ограничить его.

Женщина спросила: «Так бывает? И нужно ли мне отправить его к отцу, раз он уже подросток?»

Кто-то из присутствующих понимающе кивнул и даже согласился с предложенным решением. С самого начала карьеры я в той или иной форме слышал этот вопрос, а потому сейчас нисколько не удивился ему. Я участвовал в дискуссиях экспертов и встречал уверенное: конечно, лишь мужчина может сделать мужчину по-настоящему мужественным. Хотя один эксперт, кстати, заметил: это мать должна «выстроить мост к отцу» для своего сына.

Мнение, что лишь мужчина может научить мальчика быть мужчиной, несовершенно на нескольких уровнях. Во-первых, этому нет никаких научных доказательств. На самом деле такого рода наставничество лишь увековечивает устаревшие взгляды. Конечно, мальчики могут узнать много важного благодаря дружбе с мужчиной: увидеть, как он просыпается, бреется, общается с домашними, выполняет обязанности. Мальчики любят, когда другие мужчины делятся с ними мудростью. Однако восприимчивыми к стереотипам мальчиков делает отсутствие крепких взаимоотношений. Тем не менее, сосредоточившись на одной только мужественности, мы забываем о необходимости воспитывать в мальчике человечность и прививать ему навыки, нужные для достижения успеха в современном обществе.

Вот мой ответ той матери: «Меня всегда радует крепкая связь между мальчиками и их отцами, однако миф, будто матери должны держаться в стороне от этих отношений из страха навредить мужественности своего сына – превратить его в маменькиного сынка, – нарушает любые представления ученых, исследующих психологию развития, о том, как сильно ребенок нуждается в надежных, доверительных отношениях. У мальчиков, как и у девочек, имеются основные человеческие потребности, о которых стоит забывать лишь в минуты опасности. Ребенок, которому недостает безусловного одобрения и любви со стороны родителя – или хотя бы кого-нибудь еще, – вырастет не таким храбрым, не столь уверенным в себе, более восприимчивым к негативному влиянию. Прошу, не отдаляйтесь от сына, – взмолился я. – Если вы будете поддерживать его на пути во взрослый мир, ему будет намного проще».

Отцы кивали и изумлялись моим словам; во взглядах матерей я видел благодарность и проснувшуюся вновь решимость. Больше всего меня поразило то, как сильно на ту мать влияли неверные представления, противоречащие ее родительскому чутью, – и как она рада была разрешению подчиниться своей интуиции.

Третий пример запомнился мне благодаря программе по предотвращению насилия, разработанной для мальчиков-подростков, живущих по соседству со мною – в Филадельфии и около нее. Поскольку свидетели насилия нередко сами становятся жестокими людьми, группа исследователей под моим руководством начала с того, что оценила, насколько мальчики уязвимы в этом плане: как часто становятся свидетелями драк, наблюдают перестрелки или слышат выстрелы, напрямую подвергаются действиям преступников или угрозам. Нашей целью было создать программу на основе достоверных данных о том, насколько регулярно мальчики переживают опыт, запускающий реакцию «бей или беги», и насколько данный опыт жесток.

Полученные результаты заставили нас похолодеть. Несмотря на наличие веских доказательств того, что уровень внешнего стресса у мальчиков ненормален, мы столкнулись с недоверием со стороны спонсоров и консультативного совета: они усомнились, поможем ли мы мальчикам, если вмешаемся в их жизнь в попытке защитить и спасти от разрушительного влияния стресса. Некоторые не согласились с тем, что мальчики переживают слишком много стрессовых ситуаций, мальчиков слишком загоняют, у них слишком мало сил, общественные нормы слишком яростно пропагандируют жестокость. Нашим мыслям противопоставили старые предрассудки, основанные на расовой, классовой и

половой принадлежности, и добавили: ничего менять не нужно.

Однако нежелание подвергать мальчиков двойному риску было слишком велико. Мы организовали группы продленного дня и вскоре обнаружили: многие мальчики были совсем не прочь поговорить с другими детьми и взрослыми руководителями о различных сторонах своей жизни. Многие ребята посещали группу годами: они общались, играли – другими словами, справлялись с напряжением, которое накапливалось дома, в школе и на улице. Открытые дискуссии позволяли им честно делиться эмоциями и, как показали результаты исследования, избавляли их от склонности к неосознанному повторению жестокого поведения.

Многим были близки чувства, озвученные Терренсом: хоть ему и приходилось порой защищаться посредством силы, он «не любил драться». Маленький мальчик Хуан развил мысль: «Вообще-то, я не драчливый человек. Я вроде как любимец женщин. Я не дерусь. Вообще-то, получается, я предпочитаю любовь драке, правильно? Я пишу стихи. Я разное умею».

Воспитать достойного мужчину

В каждом из примеров обращение к подлинным эмоциям мальчиков оказалось сильнее сложившихся предрассудков. Если воспитание мальчиков начинается с развития их потенциала, то влияние семьи, школы и общества может быть совершенно разным. Марта Нуссбаум, профессор права и этики Чикагского университета, утверждает: с точки зрения морали подходящим мерилом заботы о ребенке является его способность понимать «что люди могут делать и кем они могут стать»

. Она считает, этичное общество определяет умение создавать условия – ресурсы и взаимоотношения, – позволяющие детям превращать свои внутренние способности в реальные умения. Какие же условия позволят мальчикам полностью реализовать свои способности?

Мысли разных исследователей по данному вопросу движутся в одну и ту же сторону. Психолог Ниобе Уэй говорила: «Людьми нас делают взаимоотношения и эмоции, и мы должны определить, как развиваться в этих двух направлениях»

. Тем не менее она наблюдала значительные изменения в качестве отношений у мальчиков раннего и позднего подросткового возраста. Пусть мальчики помладше и проявляли заботу, желание общаться, делились личным и сокровенным друг с другом в детстве, в юности им не удавалось избежать культурного давления. В итоге отдалившись от близких друзей, мальчики теряли связь с главным источником отношений и эмоций. Они даже теряли желание выражать чувства из страха показаться геями. Жизнь без друзей казалась мальчикам мрачной, а иногда и вовсе невыносимой, но лишь немногие из них сумели пойти против течения. Большинству так или иначе пришлось прийти к уже знакомому нам узкому спектру эмоций, социальной изоляции и притворству.

Выводы Уэй согласуются с выводами других ученых из различных областей. Недавние исследования мозга показывают, насколько традиционные представления далеки от истины. Психиатр Эми Бэнкс из Института Джин Бейкер Миллер (Колледж Уэллсли) утверждает следующее: толкование понятий «независимость» и «индивидуальность», лежащих в основе юношеской системы ценностей, противоречит человеческой природе. Кроме того, она добавляет: относительно новая область науки – нейробиология отношений – учит, что контакт с другим человеком – это не просто приятное, случайное дополнение к жизни, а основа благополучия. Любой человек, как мужчина, так и женщина, «создан для жизни в окружении любящих людей»

. Когда человек отказывается от связей, на его мозг обрушивается целый водопад негативных последствий. Здоровье и счастье – вот в чем живительная сила отношений.

Доказательство можно найти в нашем мозге и других органах. Бэнкс выделяет четыре вида нейробиологических систем, призванных способствовать нашему общению с окружающими: блуждающий нерв отвечает за нужные эмоции в социальном контексте; дорсальная часть передней поясной коры головного мозга управляет нашим откликом на социальную изоляцию и боль; система зеркальных нейронов помогает понимать окружающих и эмоционально отзываться на них; а дофаминовая система поощрения позволяет наслаждаться общением. Эти нейробиологические наблюдения во многом помогают воспитанию.

В своей книге «Parenting from the Inside Out: How a Deeper Self-Understanding Can Help You Raise Children Who Thrive»[5 - «Родительство наизнанку: как глубокое самопознание поможет вырастить процветающего ребенка». На русском языке не издавалась. – Прим. ред.] Дэниэл Сигел и его соавтор Мэри Хартцелл оспаривают традиционное мнение о том, что «мальчуковость» мальчиков заложена в них природой и наследственностью. «Биология – это опыт, – утверждают ученые. – Наше отношение к детям влияет на их представление о себе»

. Именно «нейробиология взаимоотношений» предопределяет, какой моделью мышления дети будут пользоваться в общении с окружающими, ведь, согласно канадскому психологу Дональду Хэббу, «нейроны, которые разряжаются вместе, связаны».

Сигел и Хартцелл приводят в пример изыскания, полученные в ходе примечательного исследования развития детей. Под руководством ученых родители заполнили специальную анкету, позволяющую оценить качество отношений между родителем и ребенком. Данный тест с 85-процентной точностью определил дальнейшие изменения в качестве взаимоотношений. Получается, заявление «мальчишки есть мальчишки» в корне неверно. «Взаимодействие с окружающей средой, и особенно отношения с другими людьми, напрямую определяется развитием структуры и функций мозга», – заключает Сигел

.

Мальчики особенно уязвимы в раннем подростковом возрасте. В сердце каждого ребенка природой заложена верность опекуну. И любой разочаруется, если, словно канарейка в шахте, начнет задыхаться от недостатка необходимых для развития условий: контакта с окружающими, чьей-то помощи, ощущения безопасности, любви. Чтобы закалить характер мальчика, необязательно наказывать; чтобы научить мальчика самостоятельности, не нужно оставлять его в одиночестве. Многие родители недооценивают важность крепких уз. Мальчики открыты и восприимчивы к широкому кругу факторов за пределами семьи и основывают свое поведение на образах, всплывающих в памяти, живущих в сердцах; на понимании того, что они не одни. Никто не может сделать сына неуязвимым – но мы не должны сбрасывать со счетов силу отношений, которая способна придать нашим мальчикам сил и защитить их.

Психолог Элисон Гопник из Калифорнийского университета в Беркли не согласна с методами воспитания, сконцентрированными на развитии мальчиков в строго определенном направлении. Обзор исследований, посвященных взрослению детей, позволил ей заключить: родители и другие взрослые постоянно проводят неверную аналогию. Элисон Гопник заметила, что уже в середине 1950-х, когда жизненный уклад в семьях изменился в связи с новым подходом к трудовой деятельности и потреблению, в моду вошла концепция «воспитания». Теперь воспитание походило на работу плотников, которые берут бревно и превращают его в заранее определенное изделие – например, стол или стул.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Государство американского отрочества». – Прим. ред.

2

«Разоблачение синдрома дефицита внимания». – Прим. ред.

3

Гендер – спектр характеристик маскулинности или феминности, включает в себя социальные роли, самоопределение индивидуума. Гендер не тождественен биологическому полу – различия между мужским и женским гендером сугубо социальные, а не биологические. Гендерные стереотипы – распространенные в обществе представления о поведении представителей гендера. – Прим. ред.

4

Кинокомедия 1987 года. Сюжет картины рассказывает о противостоянии двух студенческих братств в кампусе Университета Фарбер. Картина оказалась одной из наиболее коммерчески успешных картин 1970-х и стала основой для нового комедийного жанра. Низкопробный юмор, вульгарные шутки оказали влияние на целое поколение картин в американском кинематографе. – Прим. ред.

5

«Родительство наизнанку: как глубокое самопознание поможет вырастить процветающего ребенка». На русском языке не издавалась. – Прим. ред.

Купить: https://tellnovel.com/ru/rayhert_maykl/mal-chiki-est-mal-chiki-kak-pomoch-synu-stat-nastoyaschim-muzhchinoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить